

*С. Л. Матвеева,
кандидат философских наук,
Российский независимый институт
социальных и национальных проблем*

Симптомы мировоззренческого синтеза

Я буду говорить о некоторых макротенденциях, ибо (и здесь нужно согласиться с Л.А.Гордоном) перемены действительно сложнее уловить, используя сильно дифференцированный анализ. Все эти тенденции двуедины, т.е. включают формирование встречных противотенденций, степень развития и динамика которых в каждом конкретном случае подлежат специальному рассмотрению.

Можно выделить по меньшей мере пять макротенденций, каждая из которых воздействует на общую ситуацию в России.

1. До сих пор сохраняется сильная дезинтеграционная тенденция, проявляющаяся не только в центробежных силах и отражающаяся не только на геополитических факторах. Дезинтеграционная тенденция прежде всего заключается в распаде советской государственности, господствовавшего на протяжении советского периода развития России типа личности, культуры, отношений и организаций. Это — мощная тенденция, которая будет сохранять свое значение длительный период времени.

Противотенденцией являются интеграционные процессы. Рискну утверждать, что нет, пожалуй, сейчас более важной проблемы в России, чем достижение интеграции — культурной и социальной. Они, как и тенденции распада, имеют место в любой точке социального пространства, на любом уровне общества. Культурная интеграция (синтез) означает формирование общей для членов данного сообщества системы ценностей, причем такая система ценностей — нечто отличное от тоталитарной идеологии, насильственно навязываемой государством. Общая система ценностей есть культурная основа, на которую наслаиваются плюрализм и разнообразие частных и субкультурных ценностей, всегда, однако, в латентной форме опирающихся на эту единую основу. Стержень такой основы — общезначимая нравственность, те нормы, которые разделяют все носители данной культуры, данного сообщества. Социально значимыми сферами, где можно искать тенденции подобного синтеза, являются прежде всего массовая нравственность, сдвиги в соотношении сложившихся ценностей, появление и распространение новых ценностей, идеологические процессы. Культурный синтез в здоровом обществе всегда подкреплен единством системы социальных отношений, организационным синтезом. Важнейший социальный институт, воплощающий относительное соответствие культурных и социальных связей, — государство, признаваемое и поддерживаемое обществом.

Исторический опыт показывает, что в тех случаях, когда государственная форма интеграции доминирует над культурной, к жизни вызываются крайние административные меры принуждения. Когда же интеграция складывается на основе общей нравственности, культурного единства, то подобные жесткие формы административного принуждения существенно сокращаются. Значимым условием и составляющей культурной интеграции является мировоззренческий синтез.

Что есть подобный синтез — теоретический и практический? Та степень взаимопроникновения," которая обеспечивает взаимопонимание людей и последовательность, согласованность их действий, Однако до сих пор при описании ситуации в России чаще возникает впечатление хаоса, одновременного движения во всех направлениях; во многом это происходит потому, что подобный-синтез отсутствует. Социальные и культурные изменения бегут впереди реформаторов, подчиняясь собственной логике, нарастает опасность спонтанных негативных тенденций, накапливается усталость общества от неопределенности. Это может заставить людей согласиться на установление политического режима, который будет представлять себя силой, способной уменьшить разнообразие и тем самым придать изменениям ограниченный и направленный характер. Политические идеологии сегодня в целом находятся под значимым влиянием либеральных и демократических ценностей, несмотря на то что существует сильнейшее сомнение в том, что в России действительно имеют место либерализм и демократия.

2. Важнейшей составляющей дезинтеграционной тенденции является, как показывают исследования В.А.Ядова и его сотрудников, процесс новой атомизации. Происходит распад советского типа личности, и его можно интерпретировать во многих смыслах, прежде всего как предпосылку складывания нового базового типа личности (точнее, системы таких типов). Новая идентичность часто связана с тем, как происходил процесс расставания людей с их прежними идентичностями. Нынешняя атомизация отличается, по крайней мере, от двух достаточно отчетливо выделяемых типов атомизации, пережитых в истории России и СССР.

Атомизация в истории России была мучительным, длительным естественноисторическим процессом. Много раз описанная и хорошо изученная, хотя бы в русской литературе, она была связана с распадом сословных общностей, когда из сословных ниш выбивались "лишние люди", разночинцы, с деятельностью которых оказались связанными дальнейшие события истории России рубежа и начала XX в. Они породили нигилистов и анархистов, интеллигентов и революционеров, пролетариев и маргиналов-мигрантов — основные типы, с которыми связана предреволюционная и революционная история России.

Второй виток атомизации — советский — отличался от первого тем, что был насильственным, навязанным сверху, осуществлялся государством. Сталинская тоталитарная атомизация, достигшая апогея к 1937 г., варварски разрушила уже подорванные предыдущими событиями традиционные идентичности и обеспечила становление советского базового типа личности, разложение которого мы сейчас переживаем. Новый агент социального действия — советский простой человек (он же "хозяин необъятной Родины своей

солдат партии) создал тоталитарную государственность, соединил модернизированные усеченные псевдопатриархальные отношения с новыми задачами и целями индустриализма.

Нынешняя атомизация ненасильственна, — в этом ее некоторое подобие естественноисторическим процессам.

Освобождаясь от прежних связей, бывший советский человек начинает формировать новые, изменяя их и изменяясь сам.

Сегодня становление нового культурного мировоззренческого синтеза связано с массовым развитием нового типа личности, несущего какие-то новые элементы культуры, стремление формировать новые отношения как на микроуровне, на уровне малых групп, локальных сообществ, так и на уровне общества в целом, на уровне государства. Еще неизвестно, до какой степени эта личность окажется действительно новой, так как существенной характеристикой социальной реальности остается большая стабильность, о которой говорил сегодня Ю.А.Левада, и эта стабильность сохраняется в глубине общественного сознания и социальных отношений, тогда как заметные изменения совершаются на поверхности. Они неустойчивы и достаточно легко в конечном итоге могут отступить.

Тем не менее общие сдвиги, которые можно признать необратимыми, образуют новый культурный и социальный опыт саморазвития российского человека. Важнейший сдвиг связан с приватизацией, возвращением людей к ценностям частной жизни. Происходящие социальные процессы должны принести новые идентификации, сформировать новый базовый тип личности: в тенденции им должен стать частный индивид, агент рыночных отношений, интересы которого направлены прежде всего на его собственные дела. Однако это лишь возможность, которая способна реализоваться при одновременной реализации ряда других процессов синтетического характера, каждый из которых требует напряженной творческой работы людей. И самое главное — эти процессы неосуществимы насильственным бюрократическим путем государственного принуждения.

3. Здесь следует сказать об еще одной макротенденции, с которой во многом связана динамика происходящих перемен. Очевидное банкротство патерналистского государства побудило осиротевшего постсоветского человека ориентироваться на свои силы, даже если эти силы уходят на то, чтобы искать новую "крышу", удачно вписаться в какую-нибудь новую "кормящую" структуру. Общий вектор перемен указывает на окончательную победу вышедших из подполья утилитаристских ориентаций. В целом, как и любой другой выход массовых ориентаций из культурного подполья, этот процесс положителен. Только культурная жизнь, гласное бытование утилитаризма в мире способно дать в конечном итоге ему нравственную санкцию, окультурить его, те ввести в повседневную жизнь через систему образцов, ценностей и норм. Становление этих норм, однако, отягощено тяжелой традицией длительного непризнания и извращения утилитарных ориентаций, их бытования под прикрытием официальных коллективистских ценностей. Баланса, соответствия общего блага и частного интереса до сих пор нет. Напротив, продолжает нарастать растаскивание государственной собственности, ее использование в интересах относительно небольшой группы населения при росте негативных социальных эмоций "новых бедных". Вместе с тем реанимация коллекти-

виских ценностей если и возможна, то, как это ни парадоксально, для достижения вполне индивидуалистических целей: получения денег, собственности, достижения личного успеха. Создается впечатление, что установка на индивидуализм превратилась в господствующую. В условиях сложившейся в прежние годы и глубоко укоренившейся способности к двоемыслию эта установка достаточно легко превращается в нравственную неразборчивость, в убежденность, что можно говорить то, что нужно (что власть, люди хотят услышать), оставляя возможность, прежде всего нравственную, для самого действующего субъекта поступать иначе, не связывая себя какими-то нормами.

Нравственная необеспеченность, разрыв между словом и делом, неверие в слова и способность прикрываться словами — сила, разрушающая общественную интеграцию, человеческую солидарность. Степень разрушения массовой нравственности, включающая отсутствие запрета на резкий разрыв между словом и делом, есть одновременно степень общественной дезорганизации. Новый синтез, реализующий себя в новом базовом типе личности, может оказаться в силу этого социально деструктивным. Смещение ценностей в сторону прямого и грубого утилитаризма, лишённого веры в слова и высшие ценности, принимающего как должное разрыв, вплоть до противоположности, между словом и делом, — неважная база для консенсусных отношений в обществе. Одновременно этот тип людей, знающих, что слова значат мало, социально может оказаться более взрослым и самостоятельным, ему в меньшей степени может быть присуща инфантильная ориентация на авторитеты и в большей — ориентация на собственные силы.

Этот перевес утилитарного отношения над другими типами отношений наблюдается и в политических ориентациях. Например, за Ельцина голосуют те люди, которые в него не верят либо доверяют ему недостаточно. Они голосуют за него потому, что он представляется им меньшим злом, и они пока не видят ему альтернативы. Подобное решение весьма далеко от ориентации на харизматического лидера и означает доминирование утилитарных соображений, лишённый раз подчеркивая сдвиг в сторону утилитаризма как наиболее значимый, учитывая длительную борьбу традиционалистских и утилитарных ориентаций и ценностей в советское время.

Вопрос состоит вот в чем: возможно ли сформировать на основе нового рождающегося утилитарного типа личности условия для хозяйственного прогресса, устойчивой нормальной жизни общества, эффективной деятельности государства, его институтов? Ответ на него, видимо, надо искать в рассмотрении не только утилитаристских, но всех других элементов возникающего синтеза. Прежде всего тех, которые, как, например, либерализм, способны ограничить грубые хватательные инстинкты утилитаризма; или же элементов традиционной нравственности, побуждающих людей ориентироваться на интересы сообщества.

4. На складывающийся мировоззренческий синтез, несомненно, будет оказывать влияние то обстоятельство, что и в обозримом будущем, скорее всего, будет реализовываться логика догоняющего развития. Чаще эту логику связывают с материальными факторами произ-

водства и соответствующей идеологией, ориентированной на внешний образец. Глубинная логика догоняющего развития, однако, состоит в принципиальном несовпадении базового типа личности и задач, которые она вынуждена решать. Индустриальное общество, которое появилось в России "вдогонку", при интенсивном заимствовании отдельных элементов западной культуры, было создано в СССР вчерашним крестьянином-мигрантом; вчерашним крестьянином был советский бюрократ, использующий силу тоталитарного принуждения, вчерашним крестьянином был и новый интеллигент, вчерашним крестьянином был и исполнитель — и тот, который исторической случайностью был стерт в лагерную пыль, и тот, который с фанатичным упорством строил индустриальное общество, промышленность, творил законы советской власти.

В результате агентами индустриального общества в России стали бюрократ, интеллигент и рабочий докапиталистического типа. Сегодня в России рождается тип личности эпохи первоначального накопления капитала, исторически в чем-то подобный грубому начальному этапу становления капитализма. Исторически этот утилитарный в целом тип, чтобы удержать позиции России в мировом сообществе, может оказаться вынужденным выполнять задачи, связанные с постиндустриальным типом развития. Этот разрыв между складывающимся типом личности и историческими задачами, перед которыми стоит общество, также является одной из тех макротенденций, которые определяют специфику институтов и характеристик нового общества, рождающегося сейчас в России.

5. Эти и другие процессы происходят на некотором общем фоне, который, на мой взгляд, окажет влияние на складывающийся мировоззренческий синтез, каким бы он ни был и в какой сфере социальной реальности ни формировался. Это — общая нравственная ситуация в обществе. Глубокий кризис нравственного состояния общества — депрессия — ведет к ослаблению массовой базы экстремизма, уменьшает способность мобилизации социальной энергии населения для разрушительных массовых действий. Возможно, что эта ситуация ослабляет и агрессивный напор утилитаризма, по крайней мере, снижает его масштабы. Люди стали терпимее, и это очень важно. Они не приемлют того, что раньше казалось бы естественным. Если вспомнить почти всеобщее согласие с действиями советских властей при вторжении в Афганистан и сравнить с теми настроениями ("если мы туда не войдем, войдут американцы" — наиболее распространенная формула поддержки советской агрессии) сегодняшнее массовое неприятие действий высшего руководства в Чечне (хотя речь идет в данном случае не о чужом и далеком государстве, а о собственной территории и сепаратистском режиме, длительное время вызывавшем по меньшей мере активную неприязнь), то произошедшие сдвиги кажутся разительными.

Конечно, здесь существуют некоторые ритмы — периоды апатии могут смениться, причем смениться резко, скачком, периодами массовой активности. Национализм и державнические настроения не только сохраняют, но и усиливают свое влияние, что в условиях экономического кризиса составляет большую и реальную опасность. Однако пока она не представляет непосредственной угрозы.

В заключение отмечу, что ростки мировоззренческого синтеза реализуются в некоторых элементах социальной реальности легче и быстрее, чем в других: в культуре быстрее, чем в человеческих отношениях, в некоторых областях культуры, например в идеологии, социальной науке, политике, — быстрее, чем в других ее сферах, например в массовом сознании.

Назову несколько "точек роста", где поиски мировоззренческого синтеза идут наиболее интенсивно, носят осознанный характер.

Важной сферой рефлексии в обществе является социальная наука, фиксирующая происходящие в обществе перемены и ведущая собственный профессиональный поиск мировоззренческого синтеза. Здесь, в частности, складывается социокультурный подход, который делает своим предметом проблему преодоления характерного для России противоречия между сложившейся культурой и общественными отношениями. Задача теоретической работы — достичь более глубокого, чем прежде, понимания специфики российского общества в процессе саморазвития человечества и контексте мировой истории.

Хотя иногда кажется, что тенденция к целостному воссозданию представлений о социальной реальности в мировой социальной науке начинает ослабевать, она ослабевает лишь с тем, чтобы в дальнейшем вновь вспыхнуть с новой силой. Российские национальные традиции социального познания свидетельствуют, что стремление к целостности при создании социальной теории оставалось незамутненным, несмотря ни на какие веяния и моды в области социальной науки. Тому есть важные причины, и прежде всего та, что в мультикультурной, многоконфессиональной, не однажды в истории распадавшейся России реально всегда недоставало культурного, социального единства. Поиски этого единства с необходимостью оживляются в переходные эпохи, так что внимание к этой теме в социокультурной теории более чем оправданно.

Тенденции дезинтеграции и дезорганизации тем более побуждают к учету культурных и социальных разломов, изучению всего спектра культурного и социального разнообразия, соотношения различных пластов и пространств этого разнообразия, осмыслению механизмов их взаимодействия. Сюда входят также изучение ценностей и их динамики, соотношения элитарных и массовых тенденций в обществе, проблемы концентрации и распыления власти в символических и реальных пространствах социального действия, удержания традиций и распространения значимых инноваций, влияния внешних контекстов на внутренние социокультурные процессы в России и др. Объединяющей идеей выступает выявление различных уровней специфичности исторически изменяющегося российского социального субъекта (прежде всего на уровне общества в целом).

Другой пример. В политической теории, партиях и движениях все эти годы наблюдаются попытки нащупывания культурно-политического синтеза, идет поиск почвенных форм либерализма, существует стремление сформировать либерально-консервативное реформистское крыло общественной идеологии. Рост такого направления, сочетающего терпимость к наличному социокультурному разнообразию с реформистской активностью по пути продвижения к либеральным демократиям при одновременном стремлении усилить свое влияние на

традиционные российские почвенные ценности, много бы дал для стимуляции почвенного либерализма. Пока, к сожалению, можно фиксировать лишь отдельные элементы движения к этой идеологии. Они не имеют массовости, нет соответствующей партии, даже авангардной. Вместе с тем контуры такой либерально-консервативной идеологии все больше определяются. Можно даже говорить о различных течениях внутри нее, что позволяет потенциально видеть здесь возможность развития целого спектра либерально-консервативных идей и, соответственно, проектов и планов решений важнейших проблем: государственного строительства, национальной, социальной и культурной политики, социально-экономических реформ и всех других значимых проблем общественной жизни. В целом же надо признать, что формирование нового мировоззрения — хрупкий, уязвимый процесс. По сути своей, он требует общественного спокойствия, достаточно длительного времени и обязательно демократических свобод.

Вопрос. Возникает некоторое внешнее противоречие между Вашей идеей мировоззренческого синтеза и всем тем материалом, который был оглашен в первой части сегодняшнего заседания. Я имею в виду, что в переходный период происходит борьба как бы двух или больше альтернатив, вариантов общественного развития, новое растет, но отнюдь не побеждает старое, которое остается еще достаточно сильным. Об этом говорили Ю.А.Левада и другие социологи. Возможен ли вообще какой-то универсальный мировоззренческий синтез в этих условиях, который продлился бы достаточно долго?

Ответ. Я думаю, что здесь важны уровни рассмотрения проблемы. В любом обществе, тем более в таком переходном и расколотом, как наше, присутствует масса различных альтернатив, складываются различные мировоззренческие системы. Но за всем этим разнообразием где-то глубоко в толще общества должен складываться консенсус, хотя бы слабый, интуитивный, по поводу фундаментальных ценностей, основ социальной жизни. Собственно, наличие такого консенсуса и делает возможным существование общества. В противном случае может идти речь разве что о населении, проживающем на данной территории, и только. Под плюрализмом и разнообразием следует искать какие-то константы. Вот я и пыталась нащупать эти константы в социальных, социокультурных процессах, имеющих массовые масштабы, найти решающие сдвиги в приобретающей массовость, складывающемся сейчас модальном (или базовом) типе личности. На мой взгляд, в целом, несмотря на все разнообразие и значительные противоречия имеющихся тенденций, наблюдается некоторый сдвиг в сторону утилитарных ценностей и в сторону приватизации, формирования ценностей и идеалов частной жизни, в конечном итоге — в сторону повышения ценности личности. Этот сдвиг и может обозначить начальные основы мировоззренческого синтеза в современной России. Это очень общие вещи, и они лежат в фундаменте социальной жизни.

Вопрос. Ваше описание процесса индивидуализации (я называю это индивидуализацией, но дело не в словах) можно почти в тех же терминах встретить в описании психологической эволюции западных обществ в 50—70-е годы. Причем там эмпирически выявляется отказ от нормативной социальности — социальности, связанной

нормативами, как бы предписанной моралью, моралью этической, ценностными нормами и т.д. Происходит возникновение новой социальности ассоциативного типа на совершенно новых основах. Какие-то признаки этого Вы видите у нас?

Ответ. По форме это, возможно, сходные процессы, но содержание их у нас и в западных обществах различно. Да, у нас, как и там, происходит значимый сдвиг в типе социальности, наблюдаются попытки отказа от прежней нормативной социальности. Но на Западе как бы другая стадия — например, становления постиндустриального, информационного общества как результата соответствующего уровня саморазвития личности, ее свободы, ответственности, степени индивидуализации, сложных отношений с другими людьми, общественными институтами, миром в целом. У нас же пытается сложиться новый тип нормативной социальности, который был бы минимально достаточным для нормального функционирования и развития сложного городского общества, скорее всего, в целом — индустриального типа. Сегодняшнего уровня сложности этого общества мы достигли, так сказать, чрезмерно искусственным путем; в результате советская нормативная социальность оставалась внешней, была насильственно навязанной и потому легко отбрасывалась, открывая простор тому, что по традиции называется "русской волей", т.е. фактически асоциальности. Поиски новой, более органической социальности могут привести общество к тому, что на одном его полюсе сложится нечто вроде нововременной личности (аналогия, конечно, в большей степени условна), а на другом произойдет откат, архаизация, чуть ли не возврат к племенным ценностям, т.е. накопление массы дезадаптированных людей, утративших советскую нормативную социальность, но не выработавших никакой другой ценностной и поведенческой системы.